

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

FUNDAMENTAL CAUSES OF THE SYSTEMIC CRISIS OF TECHNOGENIC CIVILIZATION: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

V. Skopa
A. Frolov
S. Shcherbakova

Summary: The fundamental reasons that determine the nature of the development of the systemic crisis of modern technogenic civilization are considered. The authors proceed from the presence of a genetic connection between this type of civilization and capitalist market production, which has as its main goal the dissatisfaction of the basic needs of people, and the constant growth of profits. An appeal to empirical facts made it possible to discover the main roots of the systemic crisis of technogenic civilization in that, taking into account the current state of Nature, the installation of this civilization on it exclusively as a source of raw materials and profit growth has completely and irreversibly exhausted itself.

Keywords: technogenic civilization, scientific rationalism, rotational consumption, social action.

Скопа Виталий Александрович

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Фролов Анатолий Серафимович

Доктор философских наук, профессор, профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Щербакова Светлана Викторовна

Аспирант, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: Рассматриваются фундаментальные причины, определяющие характер развития системного кризиса современной техногенной цивилизации. Авторы исходят из наличия генетической связи между данным типом цивилизации и капиталистическим рыночным производством, в качестве главной цели имеющим неудовлетворение базовых потребностей людей, а постоянный рост прибыли. Обращение к эмпирическим фактам позволило обнаружить основные корни системного кризиса техногенной цивилизации в том, что с учётом современного состояния Природы установка на неё данной цивилизации исключительно как на источник сырья и роста прибыли полностью и необратимо себя исчерпала.

Ключевые слова: техногенная цивилизация, научный рационализм, ротационное потребление, социальное действие.

Современная западноевропейская цивилизация, в которой симптоматика системного кризиса в последние десятилетия нарастает по экспоненте, в отечественной и зарубежной социально-философской и исторической литературе имеет ряд близких по содержанию обозначений. Одним из них является введённое в научный оборот советским и российским философом В.С. Стёпиным определение, которое в качестве базового признака данной цивилизации полагает «техногенность» [7, с. 6]. Понятие «техногенная цивилизация» со временем прочно вошло в социально-гуманитарные науки и стало неотъемлемым инструментом аналитики, связанной с изучением проблем крупномасштабного членения человеческой истории.

В качестве синонима по отношению к этому понятию нередко используется и другое понятие – «фаустовская цивилизация», восходящее к работам О. Шпенглера. И хотя немецкий культуролог использовал имя основного героя трагедии Гёте «Фауст» прежде всего для маркировки определенного типа «души» и культуры [9, с. 259], тем

не менее, обращение к имени Фауста и в характеристике цивилизации западноевропейского типа является обоснованным и органичным. Достаточно в этой связи обратиться к жизненному кредо Фауста, которое является краткой и исчерпывающей характеристикой западноевропейской, техногенной цивилизацией: «Мои желанья – власть, собственность, преобладанье» [5, с. 358].

Подобно Фаусту, техногенная цивилизация является крайне противоречивым сочетанием «светлого» и «тёмного», конструктивного и разрушительного. Реализация многих из её положительных качеств позволила существенно улучшить материальные условия жизни людей и совершить революционные изменения в их сознании и культуре. Однако ещё события первой мировой войны дали основания И.И. Сикорскому, активно использовавшему понятие «фаустова цивилизация», утверждать: «Цивилизация, которая до 1914 года выставляла напоказ свою человечность и гуманизм, в сравнении с извращенной жестокостью и мизантропией Средних веков, выродилась в нечто столь низкое и зверское, что превзошло

даже пресловутую жестокость варваров...» [6]. И чем дальше по ступеням истории продвигалась эта цивилизация, тем в большей степени её блага и достижения оборачивались серьёзными проблемами, принципиально обострявшими противоречия в отношениях человека с Природой и порождавшими новые социальные конфликты. Апогей в ускоряющемся нарастании этих проблем наступил на современном – постиндустриальном этапе техногенной цивилизации.

Использование понятия техногенной цивилизации в качестве синонима понятия западноевропейской цивилизации требует одного важного уточнения. Для использования этих понятий как синонимов есть два основных аргумента: во-первых, техногенная цивилизация генетически связана именно с территорией Западной Европы; во-вторых, именно в странах этого региона наиболее полно реализовался весь комплекс атрибутивных свойств данной цивилизации. Вместе с тем, очевидным является и то, что все развитые и развивающиеся страны за пределами данного региона, в той или иной мере усваивают черты техногенной цивилизации – со всеми вытекающими последствиями. Это дает основание утверждать, что всё, о чём идёт речь в данной публикации и что касается западноевропейской цивилизации в той степени имеет отношение к данным странам, регионам и континентам, в какой они эволюционируют в указанном цивилизационном направлении.

В число таких стран, бесспорно, входит и Россия. Однако, в постсоветский период движение нашей страны путями техногенной цивилизации приобрело некоторую специфику. Не добившись тех материальных, научно-технических и технологических благ, которые принесла техногенная цивилизация западным странам и даже пережив существенную деиндустриализацию, Россия, вместе с тем, получила целый комплекс связанных с развитием данной цивилизации проблем. Среди них – ускоренное загрязнение территорий, на которых в связи с трансформацией экономики в сырьевой формат ведётся форсированная добыча нефти, газа и других полезных ископаемых; бесконтрольная вырубка лесов; изъятие из аграрного сектора земель сельхозназначения с последующей передачей их крупному бизнесу.

Если давать общую краткую характеристику техногенной цивилизации с учётом её истории и сегодняшнего стремительно углубляющегося системного кризиса, то, суммируя высказанные различными исследователями оценки, её атрибутивные признаки можно представить следующим перечнем:

1. Технократизм. Основы технократического подхода в исследовании проблем развития общества были заложены В. Смитом и Т.Б. Вебленом, - американскими исследователями, в работах которых впервые использован

термин «технократия» [3]. Методология технократизма получила дальнейшее развитие и стала определяющей в произведениях Д.К. Гэлбрейта, Д. Белла, Э. Тоффлера. В работах этих авторов образ общества, развивающегося на технократической основе, выстраивался преимущественно в положительном ключе, без ощутимого «горького привкуса» порождаемых подобным обществом проблем. Данная методология предполагает положительный характер развития и совершенствования техники и технологий и рассматривает этот процесс в качестве безусловного основания общественного прогресса.

2. Научный рационализм. Характеризуя науку и научную рациональность как исторические феномены, В.С. Стёпин отмечал, что их утверждение в системе ценностей техногенной цивилизации завершилось в эпоху Просвещения [7, с. 6]. Для понимания логики развития техногенной цивилизации методологически важно учесть следующие обстоятельства: во-первых, научный рационализм, являющийся атрибутом техногенной цивилизации, - феномен динамичный и выступает в различных исторических типах. Вектор его развития определяется постепенным переходом от сформулированной в Новое время «объектно-субъектной парадигмы», которая устанавливала жёсткое табу на «вмешательство» в процесс поиска истины интересов субъекта, к положению о «социокультурной обусловленности» научного познания. Это положение применительно к социально-гуманитарному знанию означает отрицание возможности постижения объективной истины о человеке и обществе независимо от субъективных интересов различных социальных групп.

Следовательно, постнеклассический тип рациональности «легитимирует» воздействие интересов и потребностей субъекта на поиск истины, качественно увеличивая возможность субъективного произвола в процессе познания. Вместе с тем объективные законы общественного развития отличаются от законов естественных тем, что они действуют не автоматически, а исключительно через посредство субъективного фактора. Если учитывать, что рациональность активно влияет на поведение и деятельность людей, то вполне обоснованным является вывод о том, что рождённое в таком типе рациональности знание – по мере возрастания роли субъективного фактора принципиально усиливает опасность деформирующего воздействия на все сферы общественной жизни.

Рассматривая влияние мотивов как проявлений субъективного на действия и поведение человека, уместно отметить М. Вебера, который в зависимости от мотивов выделил четыре основных типа социального действия: традиционное, аффективное, ценностно-рациональное и целерациональное. [4, с. 628]. В различные эпохи в деятельности человека присутствуют все типы социального

действия, но их соотношение меняется. Каков исторический вектор в изменении этого соотношения? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно учитывать сформулированный М. Вебером закон усиления рациональных начал в человеческой деятельности, - закон, объективный характер которого до настоящего времени убедительно подтверждала социальная реальность. Согласно М. Веберу, аффективный и традиционный типы находятся «на самой границе, а часто даже за пределами того, что может быть названо «осмысленным» [4, с. 628], а «с целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда иррациональна и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение» [4, с. 630]. Отсюда следует, что именно целерациональный тип, с точки зрения М. Вебера, является высшим типом социального действия и поведения в плане наличия в них сознательного, рационального элемента. «Целерационально действует тот индивид, - утверждал М. Вебер, - чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий» [4, с. 629]. Главное же состоит в том, что, характеризуя данный тип социального действия, социолог помещает его в такую систему координат, в которой базовым принципом, определяющим содержание этого действия, является принцип «предельной полезности» [4, с. 629]. В контексте развития техногенной цивилизации содержание целерационального типа, превратившегося в доминирующий во всех сферах жизни, всецело определяется именно принципом «предельной полезности», который неизбежно сопровождается минимизированным присутствием морали.

3. «Рационализация» в формате коммерциализации не только всей системы общественных отношений, но и отношений межличностных. Эта атрибутивная черта техногенной цивилизации выступает одной из основных причин проблемы «одиночества в толпе»: для личности, постоянно пребывающей в среде тотального прагматизма и коммерциализации, свёртывание личного пространства, отчуждение от других людей, по существу, является механизмом самосохранения.

4. Радикальный отказ от космоцентризма, являющегося основой картины мира, единственно адекватной положению человека во Вселенной, и «лишение» Природы статуса самоценной, развивающейся по независимым от человека, объективным законам. Заметим, что понятие Природы мы используем здесь в узком смысле, - как сферу «живой материи», как синоним понятия биосферы.

Освободившееся от космоцентризма место занимает вульгарный антропоцентризм, провоцирующий трансформацию человека из микрокосма в агрегат для неуклонно возрастающего потребления Природы. В практической деятельности человека происходит иде-

ологическое и юридическое закрепление во всех общественных сферах и институтах качественного изменения в соотношении деятельности по потреблению Природы и по её восстановлению и воспроизводству. Первый из этих типов занял на постиндустриальной ступени техногенной цивилизации абсолютно господствующее положение, второй – вытеснен на глухую периферию хозяйственной деятельности.

В этом «торжестве» деятельности по потреблению Природы и связанной с этим дискриминацией Природы как органичного, самодостаточного и самоорганизующегося целого, существующего безотносительно человека – в отличие от человека, существование которого без Природы (биосферы) принципиально невозможно, - заключается корень всех проблем. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что именно с переходом к капитализму начинает утверждаться такое предельно вульгаризированное понимание Природы и места в ней человека, которое в лаконичной форме выражены словами главного героя романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» нигилиста Базарова: «Природа не храм, а мастерская и человек в ней – работник». Ни одна из предшествующих эпох не строила свою хозяйственную деятельность на основе такой примитивно-прагматичной философии Природы. Отсюда следует, что хронологическая параллельность генезиса и развития капитализма и техногенной цивилизации закономерна. Именно капитализм стал генетической основой этой цивилизации, а «геномом» или, - используя понятие, которое было введено в научный оборот И.В. Гёте и к которому активно обращался О. Шпенглер, - «прафеноменом», а также «прасимволом» (9, с. 249), определившим направленность исторического развёртывания её организма и судьбу, явился императив неуклонного роста прибыли, – постоянного и любой ценой. Целерациональный тип действия с акцентом на «предельную полезность» и извлечение экономически и политически господствующим классом максимальной прибыли из природных и человеческих ресурсов явился фактором радикальной деформации всех сфер общественной жизни. Прежде всего происходит противостественное искривлению пространства экономической жизни.

В обществе «классического типа» основная функция хозяйственной деятельности состоит в удовлетворении естественных человеческих потребностей, - естественных с точки зрения существования человека как микрокосма, в котором, в его природе, органично взаимодействуют телесно-материальное и духовное начала. В рождённом постиндустриализмом обществе, которое в современной философской литературе обозначают понятием «общество постмодерна», формируется экономика принципиально иного типа. Она возникает тогда, когда классическая экономика, удовлетворяющая естественные потребности исчерпывает свои возможности

для роста прибыли по причине перепроизводства, переполненности рынка товарами. Крупный капитал, обладающий громадным потенциалом манипулятивного воздействия на массовое сознание, находит в формировании у людей потребности в постоянном обновлении товаров, в которых улучшаются отдельные качества и расширяются функции. Как констатирует в этой связи А. Болдачёв, «Экономическую основу культа потребления составляет ротация потребительских товаров, их замена на всё новые и новые, с улучшенными качествами, с расширенными функциями». [2, с. 23]. В новом типе потребления собственно потребительские качества товара уходят на второй план, а на первый – выдвигаются те, которые переводят процесс потребления в несвойственное для классического общества измерение моды, имиджа, демонстрации. То, против чего активно и принципиально выступал автор понятия технократизма Т.Б. Веблен – «демонстративное потребление», «демонстративный досуг», на этапе постиндустриализма становится основным типом потребительской активности [3]. Главное же в «ротационном потреблении» состоит в том, что его положительная роль в повышении качества жизни человека предельно сомнительна, деструктивное же воздействие на сознание и психику человека, а из-за кратного увеличения расходуемых «вхолостую» природных ресурсов – и на Природу, стремится к бесконечности. Следует отметить, что подобная трансформация капиталистического рыночного производства была предсказана ещё в работах К. Маркса.

Есть все основания утверждать, что создаваемое под эти ложные, часто – деструктивные потребности производство приносит прибыль, для крупного капитала связанную с более чем «предельной полезностью». Но подобно тому, как в кончике иглы кроется смерть Кошца Бессмертного, в этом временном и иллюзорном «триумфе» техногенно-капиталистической цивилизации, заключается неизбежный и гарантированный финал этой цивилизации, трансформировавшейся из пространства и механизма общественного прогресса в социального Кроноса, пожирающего не только своих детей, но и Природу.

Экономика, ориентированная на удовлетворение сформированных рекламно-пропагандистской машинной транснациональных корпораций виртуальных потребностей, в современной философской литературе обозначается различными понятиями: «трансэкономика», «вирусная экономика», «виртуальная экономика» [1], «экономика ротационного потребления» «экономическая сингулярность» [2]. Именно «трансэкономика», «экономическая сингулярность» закладывает самую мощную за всю человеческую историю бомбу под живую Природу. Делая акцент на абсурдности и разрушительной силе экономики «ротационного потребления», связанной с производством продуктов, удовлетворяю-

щих ложные, сформированные крупным капиталом манипулятивными технологиями у массового потребителя потребности, А. Болдачёв отмечает: «Основной экономический результат общества потребления – это не полные прилавки супермаркетов, а грандиозные свалки, на которых уничтожаются абсолютно работоспособные, не утратившие своих потребительских функций, но вышедшие из моды товары» [2, с. 23]. Резюмируя обращение к этому «потреблению без потребления», автор пишет: «В сухом остатке, как всегда, – научно-технический прогресс» [2, с. 25]. Ответом на вопрос, «какие последствия имеет такой прогресс?», может служить название книги русского писателя второй половины XIX – начала XX вв. – «Прогресс как эволюция жестокости» [10].

Уместно заметить, что есть одно существенное отличие жестокости, являющейся неразлучной спутницей прогресса в условиях полновластия транснациональных корпораций, от жестокости, современником которой был М.А. Энгельгардт. Это отличие заключается в том, что властвующая в современном мире экономическая и политическая «элита», продуктивно используя неограниченные финансовые, материально-технические ресурсы, мощный пропагандистский арсенал, активно тиражирует связанные с культом силы и насилия образы, заполняя ими мировое социокультурное пространство. Смысл этого не составляет тайны и заключается в массовом внушении тотального страха. Такая социокультурная и психологическая среда является идеальной для манипуляции сознанием и поведением людей с целью нейтрализации способности критического мышления и протестной активности. Согласно находящим убедительное подтверждение в реальной жизненной практике выводам психоанализа, обратной стороной страха и готовности быть объектом для зла и жестокости, субъектом которых выступают сильные мира сего, власть имущие, является склонность к жестокости по отношению к слабым и беззащитным. Одним словом, на постиндустриальной стадии техногенной цивилизации властвующий мировой олигархат активно утверждает в массовом сознании и психологии людей комплекс, который в указанном направлении психологической науки обозначается понятием садомазохизма. Это является причиной того, что жестокость как психологическое свойство человека и как социальный феномен множится, часто приобретая невиданные во времена М.А. Энгельгардта и предельно разрушительные формы.

Действительно, несложно представить, каким общественным злом и жестокостью оборачивается такой прогресс, качественно усиливая имущественное неравенство. С такой же очевидностью отсюда следует, что именно в этой «трансэкономике», производящей фактически не потребительские стоимости, а симулякры и обращающей экономику в состояние хаоса, сингулярности, разрушительное воздействие техногенной, фаустовской

цивилизации на главное условие сохранения человечества – Природу как самоорганизующуюся, органичную систему достигает предельных величин. Трансформация экономики в «трансэкономику», в связанную с «ротационным потреблением» «экономическую сингулярность» впервые за всю историю человечества подняла разрушительный прессинг техносферы до линии, превышающий способность биосферы к восстановлению и самоорганизации. Пересечение этой «красной линии», установленной не субъективными, конъюнктурно-изменчивыми ориентациями человека, а жёстким и безапелляционным «категорическим императивом» Вселенной, с большой вероятностью может стать трагическим завершением истории человечества.

В самом начале научно-технической революции, когда человечество как субъект исторического про-

цесса ещё не успело ощутить всей глубины порождаемых ею проблем, французский философ Э.Ж. Чоран писал: «Человек делает историю, история же разделяется с человеком» [8, с. 244]. Сегодня техногенная цивилизация переживает системный кризис, генерирующий разрушительную энергию, которая имеет глобальные последствия. В таких условиях человечеству категорически необходимо, используя накопленную за тысячелетия мудрость, сконцентрировав волю и опираясь на базовые духовные и нравственные ценности, сделать всё для того, чтобы сентенция о расправляющейся с человеком истории оказалась обнадеживающей всех людей ошибкой грустно-ироничного философа. У современного человечества для такого подвига, обеспечивающего конструктивное продолжение истории, согласованной с законами Природы, есть всё необходимое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы. М.: Алгоритм, 2015. – 272 с.
2. Болдачёв А. Финита ля история – политико-культурно-экономическая сингулярность как абсолютный кризис цивилизации // Сингулярность: Образы «постчеловечества». М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 320 с.
3. Веблен Т.Б. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
4. Вебер М. Основные социологические понятия. М., 1990. – 808 с.
5. Гёте И.В. Фауст. М., 1986. – 767 с.
6. Сикорский И.Н. Незримая борьба [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.rulit.me/books/nevidimaya-borba-read-640869-1.html> (дата обращения - 14.07.2023)
7. Стёпин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. – С. 3-18.
8. Чоран Э.Ж. Из книги «Разлад» // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX-XXI вв. М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993. – 592 с.
10. Энгельгардт М.А. Прогресс как эволюция жестокости. Минск, 2006. – 605 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Фролов Анатолий Серафимович,
Щербакова Светлана Викторовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»